

Зинаида Миркина
МОИ ЗАТИШЬЯ

Зинаида Александровна Миркина

Мои затишья

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12109495

*МОИ ЗАТИШЬЯ: Стихотворения: Центр гуманитарных инициатив; Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-98712-026-2*

Аннотация

«Истинная поэзия, вдохновленная Богом, заставляющая трепетать всю душу – благодатна». Эти слова из эссе Зинаиды Миркиной – ее кредо; они вполне могут стать характеристикой ее новой книги. Стихи писала с юности. После отмены атеистической цензуры опубликовала 3 сборника стихов: «Потеря потери», «Зерно покоя», «Дослушанный звук», роман «Озеро Сариклен», сборник сказок «Три огня», книгу эссе «Истина и ее двойники» (о Пушкине и Достоевском), книгу о Цветаевой «Огонь и пепел». Переводила Тагора, Рильке, суфийских поэтов.

Содержание

От автора	5
I. Есть сила молчанья	6
II. Кто Ты такой?	65
III. Не оглядывайся, Орфей!	108
Конец ознакомительного фрагмента.	113

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is followed by a long, horizontal flourish line.

Зинаида Миркина
Мои затишья

© Зинаида Миркина, 2012

© Владимир Ефимов, макет и оформление, 1999

От автора

Книга эта была в первый раз издана в 1999 году и давно распродана. Макет, оформление и верстка Владимира Ефимова. Его же фотографии. Он же дизайнер шрифта книги. Он был очень близкий мне человек, которого я знала со дня его рождения. Он умер 23 февраля 2012 года и его смерть была одним из самых тяжелых ударов в моей жизни. Его уже давно и хорошо знают в России, как «шрифтовых дел мастера». Но я хочу сказать о работе Володи с этой книгой, в оформление которой он вложил душу, как вкладывал ее с самого детства в мои елки и сказки. До сих пор живут фигуры сказочных персонажей, сделанные им. «Мои затишья»... Мы давно бродил вместе с ним по тем местам, фотографии которых остались в этой книге. А главное, что осталось от Володи в моей душе – это его тишина и благородство. Это был по настоящему благородный человек и я хочу, чтобы это новое издание книги хранило память о нем.

З. Миркина.

Эти стихи дают вертикальное измерение каждому мигу, они открывают возможность поворота всегда и везде и каждому. При этом они чисто русское явление. В них синтез мировой культуры органичен, как живое дерево, а не как агрегат. В них – отражение всей мировой культуры, особенно духовной, но для восприятия они этой культуры предварительно не требуют, ибо отражают не культуру, а источник, которым она светится. Каждым стихотворением можно воспользоваться, как воздушным шариком, чтобы полететь в нужную сторону; можно ими воспользоваться, как гигантскими шагами, чтобы вознестись на столько секунд, сколько хватит духу. При этом они негромки, как Дух. Есть люди, любители поэзии, которым они ничего не говорят и даже раздражают. Такие любят «новое». Есть поэзия, которая хочет по-новому сказать о старом и всем известном. А тут поэзия другого измерения: она говорит о почти неизвестном – в этом ее новизна.

Александр Хабинский

I. Есть сила молчанья

«Мои великие затишья...»

Мои великие затишья —
Сиденье у незримых ног,
Когда неслышимое слышно, —
Продли их Бог... продли их Бог...

Мои глубокие безмолвья
У моря на краю земли,
Когда почти не плещут волны, —
Продли их, Господи, продли...

Мое блаженное усенье —
Усенье мук, усенье вин,
Когда меня все мене, мене
И, наконец, есть Ты один...

1994

«Запрятаться в келью, зарыться...»

Запрятаться в келью, зарыться в берлогу,
Спуститься к вселенскому дну,
Быть самой маленькой ракушкой Бога,
Вобравшей Его тишину.

Когда-нибудь кто-нибудь, близкий по духу
Подымет с иссохшего дна
Ракушку, приложит нечаянно к уху,
И в нем зашумит тишина.

1994

«Успокой меня, успокой...»

Успокой меня, успокой,
Несмолкающий плеск морской,
Звоном пены и раз и сто
Повтори мне, что я – никто
Иль что центр Вселенной всей
Уместился в груди моей.

Мне откроется лишь одно, —
Что тебе это все равно
И что наши земные сны
Навсегда для тебя равны.

Но бесменная песнь твоя
Скажет снова, что ты есть я,
И не нужно мне ничего,
Кроме голоса твоего.

1994

«Море! Море! Мы все из него...»

Море! Море! Мы все из него.
Мировая единая мать.
Нескончаемых сил торжество,
Бесконечный приток благодати.

Не измерена щедрость твоя,
Ты себя в каждой капле повторишь.
И в громовых речах соловья,
И в любви – то же самое море!

1994

«Каждый день умирают предметы...»

Каждый день умирают предметы.
Каждый день наступает пора,
И – в лучах заходящего света
Растекается, тает гора.

Тихий ангел прозрачною дланью
Незаметно касается нас.
И таинственный час умиранья
Есть молитвы торжественный час.

1994

«День уходил. И то, что четким было...»

День уходил. И то, что четким было,
Покрылось дымкой цвета янтаря.
Страсть остывала. Нежность восходила.
И воцарилась на небе заря.

И оказалось, Боже, оказалось,
Что свет не гаснет, а рождает свет,
И что вся жизнь есть только лишь начало
Той нежности, которой края нет...

1994

«И вновь блестит морская гладь...»

И вновь блестит морская гладь,
Как глаз провидца.
Прийти и снова увидеть
И удивиться
Тому мгновенному чутью
И глазомеру,
Измерившему глубь мою
И силу веры.

1994

«Ширь родная, ветер встречный...»

Ширь родная, ветер встречный,
Запах моря. Дух знакомый.
Я ведь только в бесконечном
Обретаю чувство дома.

Только в этой всеединой
Дали – сил моих запасы.
Не ссылайте на чужбину—
В царство множеств, в чувство часа!

1994

«Такое истонченье ткани...»

Такое истонченье ткани!
Мне видно то, что за стеной.
Есть тайный опыт умиранья—
Проникновенье в мир иной.
Склонялось солнце низко, низко—
И вот уж вовсе нет огня.
Но мир иной от нас так близко!
Здесь, рядом – в сердце у меня.

1994

«Как оно глядит далёко...»

Как оно глядит далёко.
Солнце на закате!
Чтоб идти за этим Оком,
Сотни лет не хватит.

Через море, через сушу
И еще далече...—
Прямо в сердце, прямо в душу,
Прямо – в бесконечность.

1994

«Как сказать, как узнать, что такое крыло...»

I

Как сказать, как узнать, что такое крыло?
Это то, что внезапно из сердца вошло —
Узнавание единовеца —
Луч души, излучение сердца.

Это – так переполнено все существо —
Преизбыток его, просветленье его.
Через край перелитая сила
И – внезапным пучком – шестикрылость.

II

А может быть крыло иное—
Крыло с огромный мир длиною,
Крыло, которое готово
Стать для Вселенной всей покровом.
Всем, всем, – как в мире нас ни много,—
Просторно под крылом у Бога.

1994

«Не надо молний громовержца...»

Не надо молний громовержца,
Не надо крыльев райской птицы.
Дойди до собственного сердца
И в нем сумей остановиться.

Дойди до той последней глубины,
Куда влилось, как в чашу, время,
И где с такою силой любят,
Что все встречаются со всеми.

1994

«Переливы, переходы...»

Переливы, переходы,
Пересветы, перекаты
В тихом небе,
В тихих водах,
В приближении заката.
Переплески, пересветы,
Перелады, перегуды
В растворенной дали этой
Перед близящимся чудом.
Скоро все слова потонут
В этой бездне молчаливой,
Нам оставив только звоны—
Пере-звоны, пере-ливы.
Потеряется граница,
Чувство часа нас покинет—
В мире музыка родится
Первозданною богиней.

1994

«Во все горло без утайки...»

Во все горло без утайки
Льются птиц рулады.
Соловьи да, может, чайки
Так живут, как надо.

Может, в мире только птицы
В самом деле знают,
Что у сердца нет границы
И у жизни края.

Им одним на свете слышно
Божье благовестье.
И за это им Всевышний
Дал крыла и песни.

1994

**«Явь так тиха!..
Крикливы только сны...»**

Явь так тиха!.. Крикливы только сны.
Чем эфемерней, тем они капризней.
А жизнь есть накопленье тишины,
Как тишина – переполнение жизнью.

1994

«Постепенно, постепенно...»

Постепенно, постепенно
Гаснет свет на небосводе.
Это значит, Царь Вселенной
Незаметно к нам подходит.

Обвевая краски дымом,
Приглушив дневные шумы,
Царь кротчайший, Царь незримый
Входит в сердце, входит в думы.

Чуть бледнее голубое,
Чуть нежней и мягче воздух...
Наполняет мир собою
Тот, который мир наш создал.

1994

«Все дело в полнозвучьи тишины...»

Все дело в полнозвучьи тишины.
В тот самый миг, когда она восходит,
Обманы наши разоблачены
И дух могуч, бескраен и свободен.

Все дело в том, чтобы взошла она
И прозвенела или просияла,
Огромная, как полная Луна,
Залившая голубизною скалы.

1994

«Зачем цветами сплошь покрыта...»

Зачем цветами сплошь покрыта
Земля и нет лесам конца?
Затем, что мир – переизбыток,
Перенасыщенность Творца.

Затем и был когда-то создан
Весь этот бесконечный свет,
И нет конца на небе звездам,
И морю окончанья нет.

Быть может, состоится встреча—
Когда-нибудь родится тот,
Кто захлебнется бесконечным
И сам захлеб творить начнет.

1994

«Пространств немое песнопенье...»

Пространств немое песнопенье.
Развернутая даль тиха.
О, полнота освобожденья
От первородного греха!

Он смыт сплошным разливом света.
Чиста, как Божий глаз, вода.
Как будто не было и нету
Разноголосиц никогда.

Никто не вбил меж нами клина—
Нельзя разрезать гладь небес.
Душа и Бог опять едины,
И каждый умерший воскрес.

1994

«А море не гремело, не сверкало...»

А море не гремело, не сверкало,
А было бледным матовым опалом,
Тем самым млеком, чья струя святая
Дитя новорожденное питает.

И как дитя, приникнувшее к груди,
Душа вселенской ласки не забудет.
Ей будет снится до скончания века,
Что вечность – мягко льющееся млеко...

1995

«Я видела море. Я видела Бога...»

Я видела море. Я видела Бога.
Минута у моря и – жизнь без минут.
Я вмиг потеряла ни мало, ни много —
Все то, что земною опорой зовут.

Земною опорой, надеждою, силой —
Все то, чем я долгие годы была.
И только внезапно пространство раскрылось,
Как два бесконечно широких крыла.

Зерно пропадает в середине провала
И вверх пробивается юный побег. —
Я видела смерть, и душа ликовала
О том, что ей смерти не будет вовек.

1994

«Море учит раскрывать крыла...»

Море учит раскрывать крыла.
Когда тишь великая легла,
Неподвижно водное стекло.
Как душе не развернуть крыло?

Как всей силой сердца своего
Не понять глубинное родство
С тем, что без начала и конца—
С тайным всемогуществом Творца?

1995

«И вот – открытое, сплошное...»

И вот – открытое, сплошное
Пространство тянется, светясь.
Морская гладь – передо мною,
И знаю я, что это связь,

Что эти бархатные горы,
И неподвижная вода,
И неба блеклые просторы —
Натянутые провода.

Умолкни, мысль! Замри, мгновенье!
Вот с этим никнущим лучом
Сюда приходит сообщенье.
Я слушаю. Прием! Прием!

Все собрано. Душа готова.
Во мне препятствий больше нет.
Для этого немного слова
Я рождена была на свет.

Иных знамений нам не будет,
Лишь только сей беззвучный звон,
Сей благовест. Услышьте, люди:
Бог очень близко. Это Он!

Весь мир объял великий вечер,
Горит и тает в даях дым,
И все пространство – место встречи
Души с Создателем своим.

1995

«Над морем нависали тучи...»

Над морем нависали тучи,
Но солнце горы золотило.
И тишина была могучей
Непререкаемою силой.

С минутой каждою все гуще
Ложилась на воду и горы
И становилась всемогущей
Царицей целого простора.

И сердце молча понимало,
Что век лишь начат, а не прожит,
Что мы пришли сейчас к началу,
Что Дух воистину все может.

1995

«Да будет благословенна...»

Да будет благословенна
Раскрытая даль Вселенной,
Вместившее внутрь так много—
Разверстое сердце Бога.

Да будет душа достойна
Морской широты спокойной,
Склоненного низко света
И нежности вечной этой.

О, дай потерять границы,
Как Ты, до конца раскрыться,
Сзывая в свои глубины
Всех тех, кто Тебя отринул.

1995

«У моря среди древних скал...»

У моря среди древних скал,
Молчанья смерти не нарушив,
Господь мне тихо открывал
Наполненную жизнью Душу.

И в совершенной тишине
(Не может быть полней и строже)
Спросило сердце: это мне?!
Благодарю Тебя, мой Боже!

1995

«Помедли, Господи, помедли...»

Помедли, Господи, помедли!
Свет гаснет, чуть шуршит прибой.
Приходит мира час последний—
Час единения с Тобой.

Час единенья, час слиянья,
Земного царствия порог.
Открылась жизнь за нашей гранью.
Проходит мир, приходит Бог.

Последний свет на небосводе,
И Божий взгляд в моей груди...
Все отдаю, пусть все проходит,
Но только Ты не уходи!

Продли последний прочерк света,
Вселенской тишью оглуши...
Смерть – это не конец, смерть – это
Час размыкания души...

1995

«Есть пауза между мирами...»

Есть пауза между мирами,
Между событиями и днями,
Меж всем, что в нас болит и спорит...
Есть пауза, и это – море.

Тире огромное, немое,
В котором слиты вместе двое—
Два берега, две дальних дали,
Что вдруг единым целым стали,
Лишь потому, что между ними—
Не плоть, не форма и не имя.

1995

«И снова я несу свою присягу...»

И снова я несу свою присягу
Всему, что распростерлось впереди.
И вновь – невозмутимость Карадага
И трепет чайки на его груди.

Отважных птиц белеющая стайка
И в скалы ударяющий прибой.
Пусть я всего лишь трепетная чайка,
Но я люблю, и я сольюсь с Тобой.

1997

«Когда волны омывают камень...»

Когда волны омывают камень,
Когда горы овекает дым,
Я слежу бессменными часами
За незримым творчеством Твоим.

Слышу звуки гулкового прибоя—
Твой призыв без края и конца.
И учусь творить из ничего я
По следам незримого Творца.

1997

«Я сяду у моря, чтоб слушать и слушать...»

Я сяду у моря, чтоб слушать и слушать
Тяжелый медлительный вал.
Я сяду у моря наращивать душу,
Которую мир обкорнал.

Я сяду у моря зализывать раны.
Укроюсь в берлогу свою
Размером с зеленую ширь океана
У синих небес на краю.

1994

«И вот уж нет земного бремени...»

И вот уж нет земного бремени —
Лишь море, небо да скала.
Я потеряла чувство времени
И чувство Бога обрела.

Нет ни грядущего, ни прошлого —
Переполненье бытия.
Моя душа, сквозь все проросшая,
Разросшаяся за края.

1997

«Море шепчет мерно, глухо...»

Море шепчет мерно, глухо —
Звук Господней тайной лиры.
Слово dalej, слово Духа.
Слово сердца, слово мира.

Звук молчанья, звук прибоя
Беспреданный, неизменный.
Это лад с самим собою,
Это лад со всей Вселенной.

1997

**«Есть сила молчанья,
есть сила такая...»**

Есть сила молчанья, есть сила такая,
Пред коей все ветры земные смолкают.
Есть сила, воздвигшая все мирозданье.
Могущество Божье есть мощь умолканья.

Конец разногласьям. Окончились споры.
Молчание наше есть слово простора,

Есть слово – громада, есть слово – лавина.
Есть слово, собравшее мир воедино,
То слово великого Божьего лада,
Которому слов наших дробных не надо.

1997

«Замелькали, заблестели...»

Замелькали, заблестели...
Ширь огромна, волн так много...
Волны шепчут еле-еле,
Чтоб не тронуть мыслей Бога,

Чтобы не спугнуть случайно,
Ненароком не нарушить
Той глубокой, тихой тайны,
Что переполняет душу.

1997

«Свиданье с морем – это поцелуй...»

Свиданье с морем – это поцелуй,
Который невозможно прервать,
Долгий, как жизнь,
Переливание жизни в изжаждавшуюся душу.
Напоминание Бесконечности,
Что мы дети ее,
Дух от духа.

1997

«Позабыть свое тело...»

Позабыть свое тело,
Слыша вечности зов.
Отдохнуть от пределов,
Отдохнуть от концов...

Окунуться в огромность,
Внутри вдыхая прибой,
И поистине вспомнить
Бога всею собой.

1997

«Меж мной и Богом стенок нет...»

Меж мной и Богом стенок нет.
Исчезли все препоны.
Со всех сторон – огромный свет,
Коленопреклоненный.

Темнеют над водой хребты,
И на воде великой
Сейчас разгладились черты
Божественного лика.

1997

«А может быть, Творец есть тишина...»

А может быть, Творец есть тишина.
Та тишина, что нам повелевает.
Умолкло море, не шумит волна,
И из покоя древний холм изваян.

Прибрежный камень погрузился в сон,
И в мире не бывает часа кротче.
Вот в этот час и подступает Он,
Чтобы творить со мною, что захочет.

1997

«Сейчас весь мир – открытый вход...»

Сейчас весь мир – открытый вход
В тот тайный, в тот незримый грот,
Который есть не что иное,
Как сердце смертное, земное.
И вот оно растворено
И Богом до краев полно.

1997

«Тусклый, пасмурный день. Свет спокойно разлит...»

Тусклый, пасмурный день. Свет спокойно разлит
На бессолнечном ровном просторе.
Вот тогда и горит, вот тогда и царит,
И владычно безмолвствует море.

Вот тогда оно в сердце мое продлено,
И уже не понять, где граница,—
Где кончается, где чуть вздыхает оно
И где сердце чуть начало биться.

1997

«И глади моря не нарушив...»

И глади моря не нарушив,
Не потревожив ни листа,
Лот тишины мне мерит душу—
Насколько же она чиста.

Подстать ли этой глади водной,
Вот так же ли она тиха,
Вот так же ли сейчас свободна
От первородного греха...

1997

«Тихое море рассветною ранью...»

Тихое море рассветною ранью —
Вот перед Богом мое оправданье:
Не перебила ни мыслью, ни словом
Глади недвижной простора морского.
И по воде, словно по́ суху, смог
К сердцу живому приблизиться Бог.

1997

«А тишина была чревата...»

А тишина была чревата
Всей жизнью неба и земли
В часы великого заката,
Когда померк простор вдали.

Вот здесь, у самого залива,
Где волны больше не слышны,
Узнали мы, что вправду живы
Лишь в лоне этой тишины.

Что если тишину нарушить,
Прервать молчанье гор и вод,
То ангел вдруг уронит душу,
Которую сейчас несет...

1997

**«А море – это смерть.
И небо – это смерть...»**

А море – это смерть. И небо – это смерть.
Смерть смертного во мне. В посмертии так тихо!..
Нет тверди под ногой. Есть внутренняя твердь,
И этот вход вовнутрь – из глины в вечность
выход.
Над морем собрались седые облака,
И облачный узор по небу ангел чертит.
О, Боже мой, как жизнь бездонно глубока...
Но это может быть лишь только после смерти.

1997

«Запомнить сердцем навсегда...»

Запомнить сердцем навсегда,
Как неподвижна гор гряда,
Как шепчет широта морей
О вечной правоте Твоей.

Ты прав, мой Господи, и свят,
Вот отчего горит закат,
Вот отчего морская гладь
Велит так полно замолчать.

И не перечить... Боже мой,
Когда бы стать совсем немой,
Когда б смиреньем запастись
Размером с эту гладь и высь...

1997

«Покой мою заполнил грудь...»

Покой мою заполнил грудь,
И только легкое «чуть-чуть»,
Как чайки быстрое крыло,
Коснуться сердца вдруг могло.

Лишь только вздох совсем без слов,
Лишь только линия холмов,
Как неисповедимый путь,
Едва заметный нам – чуть-чуть...

Чуть слышный всплеск, чуть видный взмах,
Туман, осевший на холмах,
Да парус в широте морской
Как будто вводят нас в покой.

1997

«Покуда море – только море...»

Покуда море – только море,
Покуда я есть только я,
Мы с вездесущим Богом спорим
И нету полнобытия.

Покуда есть еще граница,
Нас не коснулась благодать.
Но грудь моя вольна раскрыться
И море внутрь себя вобрать.

Кто ширь вселенскую измерит?
И кто хоть раз расслышать смог,
Как об него, как вал о берег,
И дни и ночи бьется Бог?..

1997

«Когда Ты говоришь, говорить невозможно...»

Когда Ты говоришь, говорить невозможно.
Когда Ты говоришь, умолкают слова.
Лишь вода голубая с серебряной дрожью,
Да туман где-то в далях, заметный едва.

Когда Ты говоришь, наших слов и не надо—
Говорящий простор, говорящая тишь.
Бесконечность души, беспрепятственность
взгляда.
Я, как камень, нема, когда Ты говоришь.

1997

«Тумана легкая гряда...»

Тумана легкая гряда...
Он был иль вовсе не был?
Но тихо таяла вода
И причащалась небу.

Бледнел сиреневый подсвет
Небесного чертога,
И человек сходил на нет
И причащался Богу...

1997

«Бог все сказал. Мне остается...»

Бог все сказал. Мне остается
Лишь только повторить за Ним
То, как волна о берег бьется
И в небо уплывает дым.

Разлив великого заката,
Растущий в небе световал...
Мне остается лишь впечатать
В себя все то, что Бог сказал.

1997

«Такая мера тишины...»

Такая мера тишины!
Нет даже шепота волны.
Есть ровная морская гладь,
Нам повелевшая молчать.
Хрустальная неподвижность вод.
Мысль встала. Больше не течет,
Пересеченная святой
Непостижимой широтой,
Которая уводит глаз
За край миров – и внутрь нас...

1997

«От волн вечерних – ни следа...»

От волн вечерних – ни следа.
Невозмутимая вода.
И только облака зажглись.
И час прошел. А может, жизнь?

О, Боже правый, сколько раз
Все это мог увидеть глаз?
И где кончается запас?
Ведь жизнь прошла. А может, час?

1997

«Опять оно... О, Боже, Боже...»

Опять оно... О, Боже, Боже,
Его не исчерпает глаз.
Оно всегда одно и то же
И каждый раз, как в первый раз,
Мы видим море. Святотатство
Разбить покой его широт.
Жить – значит заново рождаться
От Духа и вот этих вод.

1997

«Эдем. Покой парящих крыл...»

Эдем. Покой парящих крыл,
Глубокий, неизменный.
Еще никто не возмутил
Создателя Вселенной.

Не молвил слова поперек.
Не нарушал запрета,
И в мире развернулся Бог
Великим морем света.

1997

«И вот последний луч потух...»

И вот последний луч потух,
И будто потеряв опору,
Вдруг стали призраками горы,
А истинным Владыкой – Дух.

В непостижимый этот миг
Он так таинственно велик,
Что все – лишь призрак перед Ним,
Вся плотность превратилась в дым.

1997

«Я включена в единый ритм...»

Я включена в единый ритм
Вселенских стихнувших молитв.
Я включена в единый зов
Вдали рассыпанных миров.

В единый тыщеустый хор,
Собой заполнивший простор.
Я в этом мире не одна.
Я в сонм созвездий включена.

1997

«На гору поднимись. Молитву соверши...»

На гору поднимись. Молитву соверши,
Не разжимая губ, без жеста и без слова.
Есть зеркало воды и зеркало души,
И зеркало одно глядится внутрь другого.
И больше ничего в огромном мире нет.
И в глубине зеркал сейчас родится свет.

1997

«Всё так знакомо, так похоже...»

Всё так знакомо, так похоже,
И – всё сначала в миг любой,
И всё о том же, всё про то же
И день и ночь шумит прибой.

Журчанье пены, рокот вала
И эта цельность без частей...
Здесь не бывает, не бывало
И век не будет новостей.

Вселенский танец, волн круженье —
Кружись, душа, и, мысль, кружись...
Здесь нет ни смерти, ни рожденья —
Непрерываемая жизнь.

И миг за мигом, год за годом
Одна и та же песнь волны.
Так вот откуда все мы родом,
Так вот куда прийти должны...

1997

II. Кто Ты такой?

«Кто Ты такой? Откуда знает...»

Кто Ты такой? Откуда знает
Тебя душа? – Она сквозная.
Когда в душе простор и тишь,
То через душу Ты сквозишь.

Кто Ты такой, ответят глуби
Души моей; вот те, что любят
Так бесконечно, так бездонно,
Что все мои вопросы тонут.

Не спрашивать, а на колени
Упасть в немом благодареньи.
Войти в торжественный покой
И ощутить, кто Ты такой...

1995

«Есть жизнь молитвенная, или...»

Есть жизнь молитвенная, или —
Жизнь суетная. Третьей нет.
Деревья день и ночь молились,
Встречая каждой жилкой свет.

Молились зимы, лета, весны,
И звезды в кроны их вплелись.
А люди путались в трех соснах,
Не ведая про выход ввысь.

1994

«И снова дождь. А может, это...»

И снова дождь. А может, это
Протянутые провода
С того неведомого света
На эту землю, к нам, сюда?

Вот почему мы так стихаем,
Теряя счет часов и дней...
Стена раздвинулась глухая
И смутно видно, что за ней...

И сердце хочет на попятный,
В до-жизнь, к таинственному сну
И начинает путь обратный —
К истоку мира, в тишину...

1994

«Дождь. И голос одинокий...»

Дождь. И голос одинокий.
Дождь. И пенье соловья.
Несмываемые строки
В вечной книге бытия.

Так нечаянно, мгновенно
В обступившей тишине
Льется жалоба Вселенной,
Обращенная ко мне.

Чье-то сердце просит чуда,
Иль зовет звезду звезда,
Или просто ниоткуда
Льется голос в никуда.

1994

«Листьев текучих ручьи...»

Листьев текучих ручьи.
Дождик мой редкий.
Сестры и братья мои —
Тихие ветки.

Все здесь лелеет меня,
Манит в объятья.
Сердца немая родня —
Сестры и братья.

Лес совершенен, как стих.
Все неслучайно.
Здесь не бывает чужих —
Вот его тайна.

Тихо проходят века
Мимо событий.
Тайна сия велика —
Только вместите.

1994

«И нет другого рая...»

И нет другого рая.
Простор и тишина.
Мне сердце измеряет
Высокая сосна,
Небесный купол серый
Да ива у ручья.
Вмещу – достигну меры.
А нет, и я – не я...

1994

«Дождь, прекратившийся внезапно...»

Дождь, прекратившийся внезапно.
Ольха, провисшая дугой...
Переговаривались капли
Одна с другой, одна с другой.

Мир, погрузившийся в дремоту.
Прохладно, тихо и светло.
И недосказанное что-то
Ко мне вплотную подошло.

Сплетались, связывались нити,
Тянулись к сердцу моему...
О, говорите, говорите...
Быть может, я еще пойму.

1994

«Лес – это инок. Он – иной, инакий...»

Лес – это инок. Он – иной, инакий.
Свои законы у лесных деревьев.
Свои уму неведомые знаки,
Свой голос, свой таинственный напев.

Сосновый шорох, горький запах дыма
И тихий говор плещущих ветвей—
Напоминанье об ином, родимом,
Забытом мире – о душе своей.

Душа моя... Сейчас я слышу, знаю,
Что ты живешь не годы, а века.
Что ты – лишь гостя легкая, иная,
Пришедшая сюда издалека.

1994

«О, Господи, что это значит...»

О, Господи, что это значит —
Поток исчезающих лет?
Жизнь – это такая задача,
В начале которой – ответ.

Но надобны времени горы,
Чтоб данное в руки – найти.
Жизнь есть ощущение простора
В стенах, в тесноте, взаперти.

Нечаянный сполох мгновенный,
Прорыв в мировой западне.
Жизнь есть ощущение Вселенной
В едва различимом зерне.

Ведущая в бездну дорога,
Где каждый шаг – торжество.
Жизнь – это предчувствие Бога
Незрячей личинкой Его.

1994

«Я – это ветка Твоя...»

Я – это ветка Твоя.
Я – это лепет ручья,
Миг в Твоей вечной судьбе,
Искра костра Твоего...
Я же сама по себе...
Что это? И для чего?

1994

«Тепло и тихо в деревянном доме...»

Тепло и тихо в деревянном доме.
Деревья затаились у окна,
И с каждой минутой все весомей,
Таинственной и гуще тишина.

Как важно то, что в этот час вершится
В сгустившейся, набухшей тишине.
Безмерность входит в малую крупицу —
Спокойно размещается во мне.

Великий мир заходит в эти стены,
И суета остановила бег.
И каждая подробность здесь священна —
Среди потопа плавает ковчег.

1994

«Не надо ничего. Не бойся. Не надейся...»

Не надо ничего. Не бойся. Не надейся.
Восполненный покой. Мой дух невозмутим.
Бездействие мое, наполненное Действом,
Не видимым глазам Деянием Твоим.

Остановился мир. Остановилось время.
Не движется вода. Недвижим небосвод.
Бездействие земли, в которой зреет семя.
Бездействие ствола, в котором жизнь течет.

Ни капли бытия не протекает мимо.
Открытие души: мы вместе! Двое нас!
Сегодня Ты во мне. Я зрима. Ты – незримый.
Но я войду в Тебя и выбуду из глаз.

1994

«Костер задумчиво мерцал...»

Костер задумчиво мерцал,
А лес был темный кинозал.
Он затаился и внимал.
И дума каждого ствола
Так незаметно перешла
В один немой горящий глаз,
Который жил во тьме за нас.
Росло спокойное тепло,
И что-то вдруг произошло—
Нагретой тишиной дыша,
Раскрылась медленно душа,
И запах счастья и добра
Смешался с запахом костра.

1994

«А ДОЖДЬ ПОЧТИ НЕСЛЫШНЫЙ...»

А дождь почти неслышный
И бесконечно долгий,
И нет ни мысли лишней:
Остановились, смолкли.

И что-то зреет в дымке
Шуршащей водной пыли.
Немые невидимки
Сейчас заговорили.

И может слышать каждый —
Их голос неотвязчив —
О чем-то самом важном,
Вовек не преходящем.

1994

«Больше нечего в жизни беречь нам...»

Больше нечего в жизни беречь нам.
Вот предел мой – вот здесь и теперь.
Сердце каждого – дверь в бесконечность.
Только кто распахнет эту дверь?

Дело музыки, Святости дело.
Боль растет... ни вскричать, ни вздохнуть...
В сердце – выход за наши пределы.
Вход в бессмертье лежит через грудь.

Кто его так мучительно сузил,
Этот тайный, единственный вход?
Грудь моя – туго стянутый узел,
Всех вселенских путей переплет.

Сквозь и через и – счастье полета,
Сквозь все стены и через между...
Боже сил, Боже истины, кто Ты?
Через смерть я к Тебе подхожу.

1994

«Отмелькали дни и лица...»

Отмелькали дни и лица —
Никого и ничего.
Погрузиться, провалиться
Внутрь сердца своего.

И измерить всю державу
Необъятную свою:
Начинаясь где-то в травах,
Я до неба достаю.

1995

«В сердце ночи, в ее океане...»

В сердце ночи, в ее океане
Тихо плещется света струя.
И выходят слова из молчанья,
Точно души из небытия.

Темнота все сгущенней, все глуше.
Отсвет углей упал на кору.
Обступили нас тихие души,
Подступили вплотную к костру.

Тихо вышли из бездны на берег,
Тихо сели вокруг, у огня.
Наконец-то нам тихие верят,
Не боятся тебя и меня.

Этих душ шелестящая стая,
Этот шепот, нам внятней едва...
И со звездами связь не теряя,
Одеваются плотью слова.

1994

«Луч умрет, и вместе с ним...»

Луч умрет, и вместе с ним
Превратится сердце в дым,—
В сизый дым, в легчайший пух,
В устремленный к Богу дух.

Среди сосен ввечеру
Луч умрет и я умру,
И окажется, что смог
В этот миг родиться Бог.

1995

«Здесь просто-напросто видна...»

Здесь просто-напросто видна
Моя граница.
Остановиться, как сосна,
Остановиться!

Срастись корнями и стволом
С небесной твердью
И подглядеть, что там потом —
За нашей смертью.

Небес раскинутую гладь
Душой потрогать,
И – очи в очи увидеть
Живого Бога.

Но вот – каков же Он на вид? —
О том – ни слова.
Тот, кто увидел, замолчит,
Как ствол сосновый.

Тот, кто увидел, станет сам
Безмолвным стражем.
Он ничего не скажет нам,
Но лишь покажет...

1994

«Я приношу из зазеркалья...»

Я приношу из зазеркалья
Благую весть:
Там, где все звуки отзвучали,
Тишайший есть.

Там, где все были, где все будут, —
Сомкнулся глаз.
Я приношу вам весть оттуда,
Где нету нас.

Где мир земной поставил точку,
Свет дня потух,
Раскрылось сердце, словно почка—
И хлынул Дух.

Так распахни Ему ладони
Рывком одним!
Не тень Он, не потусторонний—
Мы дышим Им.

О, Боже, глубина какая!
Как полон вдох!
Чем глубже и полней вдыхаю,
Тем ближе Бог.

1994

«Беззвучный вечер. Запах пряный...»

Беззвучный вечер. Запах пряный.
Листвы свисающий узор.
И посреди лесной поляны
Священнодействует костер.

И незаметно, постепенно
Растет уверенность во мне,
Что центр раскинутой вселенной
Живет во вспыхнувшем огне.

Вся неизведанная сила,
Ее запас незримый весь—
Все то, что будет, все, что было,—
Сосредоточено вот здесь.

Кольшутся, танцуют тени.
Растут и говорят в тиши.
И – лишь подкладывая поленья,
Люби, безмолвствуй и дыши.

1994

«Снова в мире бродит осень...»

Снова в мире бродит осень,
Вновь в груди – восторг и страх.
Снова Бог нам весть доносит
О неведомых мирах.

Вновь дрожит листва седая,
В темной зелени рябя,
Снова Дух освобождает
Место в мире для себя.

1995

«А за окошком – шум дождя...»

А за окошком – шум дождя.
И можно, медленно бредя
По лабиринту мысли, вдруг
Услышать бесконечный звук
Того, что даже в смерти есть—
Ту нескончаемую песнь
Невидимых, тот тайный лад
Тех, что всю видимость творят.
О, только слушай и гляди.
Все прожитое – впереди.
Все будущее вмещено
В едва заметное зерно,
Что падает сейчас с небес, —
И скоро разрастется в лес.

1995

«Дождь долгий. Ветки наклоня...»

Дождь долгий. Ветки наклоня,
Лес говорит: постой, ни шагу.
И натекает мир в меня,
Как в землю жаждущую влага.

Ветвей намокших колдовство
И аромат сырых иголок...
И путь до Бога моего
Бессрочно, бесконечно долог.

Тот неисповедимый путь,
Блаженный путь сквозь все границы...
Пока весь мир не внидет в грудь,
Он будет шириться и длиться...

1995

«Что мне известно о сосне...»

Что мне известно о сосне?
То, что она вершит во мне,
Вот то, что я смогла вдохнуть
И глубоко запрягать в грудь.

Что я узнала о дожде?
Что он во всем, сквозь все, везде
И что никто не одинок,
Когда шумит его поток.

Никто, нигде и никогда,
Раз льется тихая вода,
Как нескончаемая весть
О том, что тайный выход есть.

Что ведаю о Боге я?
Что Им полна душа моя.
Что, точно дождь, со всех сторон,
Во все концы, повсюду – Он.

1995

«Не смерть, не разруха...»

Не смерть, не разруха —
Гляди и внемли!
О, веянье Духа
Сквозь тяжесть земли!

О, таянье ткани
В лесу золотом:
Создатель созданий
Коснулся перстом...

1995

«Дождь собирается. Он рядом...»

Дождь собирается. Он рядом
Набух. Уже почти готов.
Сейчас зашелестит по саду
Вот-вот закапает с листов.

Но нет еще. И лишь пустоты
Сгущаются. Вот-вот... Сейчас...
Как будто иномирный кто-то
Застыл в раздумьи возле нас.

Совсем вблизи... О, как Он нужен!
И как Он хочет нам помочь!
Бог есть любовь. Но почему же
Он плачет в мире день и ночь?

1995

«Сегодня счастье улыбнулось мне...»

Сегодня счастье улыбнулось мне —
Уйдя от слов неистовой погони,
Остаться с лесом всем наедине
Без никого, совсем без посторонних.

И было только шелестенье крыл,
Да переплеск густой листвы и хвои,
И лес тогда такое мне открыл!..
И лесу я открыла вдруг такое!..

Осенний свет спустился в мир с берез,
Осенний лист срывался с тонких веток.
И хлынули из глаз потоки слез...
Ведь, слава Богу, посторонних нету...

1995

«Что остается после муки...»

Что остается после муки,
Как мироздание великой,
Когда уже умолкли звуки
И нет ни шепота, ни крика?

Что, в пустоте безмолвной медля,
Уходит внутрь, на дно колодца?
Что остается в час последний,
Когда надежд не остается?

Когда уже ничто на свете
Не выведет нас на дорогу?
Тот, кто на сей вопрос ответит,
Тот в самом деле знает Бога.

1995

«Быть может, первое, что встречу...»

Быть может, первое, что встречу
В посмертьи, – так сдаётся мне —
Листвы таинственные речи
И шелест хвои в тишине.

Звучание родных мелодий,
Которые расслышу там,
Меня к земле моей проводят,
Как здесь уводят к небесам.

1995

«Костер горит. И больше мне...»

Костер горит. И больше мне
Сегодня ничего не надо.
Прислушиванье к тишине.
Звучанье мирового лада.

Костер горит. И знаю я,
Что рядом есть незримый кто-то,
Что в сердцевине бытия
Идет беззвучная работа.

С начала дней и до сих пор
Нет ни единого мгновенья,
Чтоб в свой неведомый костер
Он не подбрасывал поленья.

И догорают вечера,
И вновь огни на небосводе,
И дым от моего костра
К Его костру сейчас восходит.

1995

«Есть в мире я и Ничего...»

Есть в мире я и Ничего —
Не плоть, не кровь, не вещество —
Но сердце только Им полно,
Не я живу. Живет Оно
Всегда. А я сама – пока
С Ним связь незримая крепка,
Пока из полной немоты
Могу сказать: не я, а Ты.

1995

«Печаль моя, седая осень...»

Печаль моя, седая осень,
Моя звенящая тоска!..
Как будто в сердце места просят
Давно прошедшие века.

И сердцу надо потесниться.
Вот почему среди темноты
Дрожат, как слезы на ресницах,
Позолоченные листья.

И тишина стоит такая, —
Что слышно, как всплывает дым,
И лес беззвучный истекает
Дрожащим золотом своим...

1995

«Край жизни – это край сердца...»

Край жизни – это край сердца,
И если оно бескрайно,
То ты ощутишь бессмертье
Своею живою тайной.

А если подходит к краю,
Себя исчерпало сердце,
То нету за гробом рая
И жизнь есть пространство смерти.

1995

«Я знаю Бога точно так...»

Я знаю Бога точно так,
Как лес – свой затаенный мрак.
Как ветка ведаёт свой путь
И знает, как и где свернуть.

Я знаю Бога, как зерно —
Тот плод, которым рождено,
И так, как знает зрелый плод
Зерно, что в глубине несёт.

Я знаю Бога, как свою
Любовь, которую даю
И вновь вбираю грудью всей
От света, ветра и дождей.

И Боже мой, как мне смешны
Все знания со стороны.

1995

«Жизнь продолжается, когда...»

Жизнь продолжается, когда
Уже от жизни – ни следа.
Не прерван тоненький мотив,
Хоть нам почудился обрыв.

Жизнь длится так же, как и шла,
Хоть нету более крыла.
Всего, что было, больше нет,
Но как спокойно дышит свет!

Как мир непредставимо тих...
Мы более себя самих!
Но мы не знали до сих пор,
Что этот золотой простор
Не даст нам в пустоту упасть,
Что исчезает только часть,
А целое всегда живет,
Как бесконечный небосвод.
И жизнь продолжится, когда
Уже от жизни ни следа.

1995

«Угасает день осенний...»

Угасает день осенний.
Отдал все поблекший лес.
Остается лишь смиренье—
Самый высший дар небес.

Этот тусклый час дороже
Всех былых сверканий дня.
Ниспошли смиренья, Боже!
Утиши, Господь, меня...

1995

«Ты не оставил ни одной приметы...»

Ты не оставил ни одной приметы.
Сверхъестества в сем мире – ни следа.
Но происходит рядом Действо Света
Сегодня точно так же, как всегда.

Я не прошу ни торжества, ни силы,
Ни года жизни лишнего, ни дня,
Мне надо только, чтоб происходило
Вот это действие в глубине меня.

1995

«Я в лесу имею право...»

Я в лесу имею право
Жить, как сосны и как травы,
Жить без всех людских забот,
Так, как Дерево живет.

Я в лесу имею силу
Жить, как дуб ширококрылый,
Разметав во все края
То, что прежде было «я».

Я – не я, но только кто же?
Ты один ответишь, Боже.
Тише трав и неба тише
Скажешь Ты, а я услышу...

1995

«Тусклый свет. Пространство немо...»

Тусклый свет. Пространство немо.
Лист недвижим. Ветер стих.
Зреет жизнь. И зреет тема.
Зреет дух. И зреет стих.

Тишина вливается в душу,
Проливается за край,
Господи, не дай нарушить!
Помешать Тебе не дай!

1995

«Как трудно мир сей ощутить...»

Как трудно мир сей ощутить
Своею собственной ношей,
Тем грузом, что на плечи брошен
Твои и не переложить
Его другим. Напрасны зовы
И жалки детские мечты,
Ведь в этом мире нет другого.
Куда ни глянешь— только ты.

.....
А Бог?

О, смертной чаши вкус!
Мой Бог и есть тот самый груз...

1995

«Есть стих, – в нем слов совсем немного...»

Есть стих, – в нем слов совсем немного,
Скупых, тяжелых, как гранит,—
Есть стих, который вместе с Богом
Миры творит.

Его порою слышат люди,
Когда среди мировых пустот
Звучит внезапное «Да будет!»,—
И тот, кто умер, восстает.

Я к вечным поискам готова.
Мой бедный стих, сто лет кружись,
Ища единственное Слово,
Необходимое, как жизнь.

1995

Коктебель

«Как неподвижен Мировдержец...»

Как неподвижен Мировдержец,
Хоть тяжесть мира все страшней.
Стоит гора. И значит стержень
Покоя есть в душе моей.

И вновь, как будто к водопою,
Сегодня так же, как вчера,
Иду к великому Покою,
Что собрала в себе гора.

1995

III. Не оглядывайся, Орфей!

«Как бы совсем утрачен вес...»

I

Как бы совсем утрачен вес,
Душа моя взлететь готова,
Преобразившись, точно лес
Под белым снеговым покровом.

Он так невероятно бел,
Мой лес в небесной легкой сетке,
Как будто ангел вдруг задел
Крылом склонившиеся ветки.

И вот стоит, едва дыша,
На целый век продлив мгновенье,
Моя нетленная душа
В своем белейшем облаченьи.

1996

«Душа нетленная моя...»

II

Душа нетленная моя
До прегрешенья, до изгнанья...
Мне о тебе напоминанье
Пришло из глубей бытия.

О той прозрачности небес
До сотворенья, до начала...
Стоит замороженный лес
Под белоснежным покрывалом.

Стоит и на виду у всех
Раскрыл небесные селенья.
Стоит, перечеркнув мой грех,
Стоит, как весть о всепрощеньи.

1996

«В рай вернуться каждый может...»

III

В рай вернуться каждый может.
Век не кончен, день не прожит.
Надо только, чтобы белым
Снегом край лесной одело,

Чтоб узор стволов и веток
Стал бы кружевом из света,
Чтобы ангелы сплели
Кружевной покров земли,

И душа под тем покровом
Стала легкою и новой
И нечаянно нашла
Два потерянных крыла.

1996

«Не оглядывайся, Орфей...»

Не оглядывайся, Орфей!
Эвридика – в тебе самом.
Полногласье в душе твоей.
Песнь грядет, как весенний гром.

Не оглядывайся, певец!
Внутри песни своей войди.
Всем концам наступил конец,
Если песня растет в груди.

Если дух твой – сейчас и здесь,
Без оглядки и без краев, —
Бесконечность втекает в песнь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.